

Б. ТОМАШЕВСКИЙ*

Конструкция тезисов

В наши годы увлечения поэтикой совершенно забытой дисциплиной является сестра поэтики — риторика. Даже самое слово это звучит для нашего слуха как-то «неприятно» (риторика — риторика). Меж тем совершенно несомненно, что поэтика (т. е. дисциплина, изучающая конструкцию словесно-художественных произведений) может развиваться нормально лишь на сравнительном базисе изучения риторики (соответственно на не-художественных словесных произведениях. Обычное противопоставление «поэзии» и «прозы»). Эта потребность в сравнительных экскурсах, при отрицании законности существования риторики, приводит к тому, что проблемы риторики рассовываются по смежным дисциплинам. В части языка проблемы риторики отошли к лингвистике (к сравнительно узкой сфере этой науки — к стилистике), в области мотивировки — эти проблемы вчитываются в логику

* *Борис Викторович Томашевский* (1890–1957) — советский литературовед, теоретик стиха и текстолог, исследователь творчества А. Пушкина, переводчик, писатель, член Союза писателей СССР.

и психологию, и от этих трех дисциплин поэтика ждет сравнительных указаний. Вместо ясного, хотя может быть терминологически и неудачного, противопоставления старой схоластической науки «поэзии» и «прозы», мы, склоняясь к путям лингвистики — выдвигаем другое противоположение — «практический» и «художественный» язык, хотя это противоположение не покрывает всех проблем конструкции словесных построений, касаясь исключительно сферы языка, во-вторых оно не соответствует и границам деления «поэзии» и «прозы», ибо «прозаический» язык быть может не менее «поэтического» следует противопоставить «практическому».

Проблемы логики и психологии, которые могут сослужить свою службу в анализе генезиса тех или иных словесных конструкций, совершенно ничего не говорят о самоценности этих конструкций в их словесном выражении, ибо как бы ни было связано наше мышление с языком — в форме внутренней речи — все равно нельзя подменивать проблем словесного построения проблемами мышления.

Основные проблемы конструкции словесного материала не затрагиваются ни логикой, ни психологией, ни лингвистикой. Должна быть воскрешена старушка риторика так же, как воскресла поэтика. Пока этого не случилось, схоластическая «теория словесности» не теряет своего значения, ибо объединяет в себе проблемы ретирики, еще не ассимилированные новой научной мыслью. Необходимо это и с точки зрения динамики современной культуры. В настоящее время происходит характерное «оседание» культуры. Прошла эпоха «парниковой» духовной жизни. Парниковая рассада пошла в дело. Отсюда и широкая демократизация искусства, и такие симптомы, как своеобразный утилитаризм в художественных направлениях. Все это — проявления здоровой тенденции создания широкой культурной традиции; традиция — это своего рода маховик, аккумулятор, обеспечивающий бесперебойную работу будущего. Это оседание, как всякий социальный процесс, сопровождается и отрицательными, уродливыми явлениями, но в основе это процесс здоровый и исторически необходимый. Парники («интеллигентство» — которое напрасно смешивают с «интеллигенцией» профессиональной носительницей культуры, которая нужна при всяких социальных соотношениях) — эти парники разбиты.

Проникновение культуры в «жизнь» — выражаясь грубо — влечет за собой и пристальную, внимательную культивировку прозаической речи. Мечта Писарева о слиянии художественной литературы с популярно-научной, наконец, обретает в России реаль-

ную почву, хотя и не в формах, мыслившихся реалисту. Пред нами стоит практический вопрос — выработка нормальной реторики.

Такие факты, как появление курсов журналистики, ораторского искусства, преподавание искусства спора, и трактаты по этим вопросам доказывают стихийные этапы возникновения нормативной реторики. Но ни одна нормативная дисциплина не обеспечена в своем развитии без параллельного существования соответствующей теоретической дисциплины. Этим я не хочу сказать, что задачей теоретической реторики является разрешение нормативных проблем, как например, задачей общей теории упругости до сих пор является, главным образом, создание практической, технологической дисциплины сопротивления материалов, — нет, взаимоотношения нормативных и теоретических дисциплин значительно сложнее: непосредственный утилитаризм не всегда стимулирует культуру, и иногда ее тормозит, — но факт сосуществования этих двух рядов есть факт культурно-исторический, и в нем залог развития теоретических изучений в этой области.

Впредь нельзя безнаказанно пользоваться «газетным стилем» и хаотической словесной конструкцией. Теперь на это обращено внимание, и каждый пишущий чувствует это постороннее наблюдение.

Наиболее значительной областью современной прозы являются произведения социально-политические. Наиболее крупной, мировой величиной в современной социально-политической литературе был Ленин. Вот почему естественнее всего именно с Ленина начинать теоретические изучения в области реторики. Совершенно естественно, что на первой стадии этой дисциплины преобладать должны описательные приемы изучения. Описание конструкций Ленинских статей явится фундаментом новой реторики.

Ленин, всю жизнь борющийся словом, чувствовал всю ответственность словесного построения. Он знал как положительную — движущую силу слова, так и отрицательную его силу — силу инерции, трения, власти привычных, выветрившихся формул.

Главной задачей словесных построений Ленина была их актуальная действенность. У него с редкой для теоретического мыслителя гибкостью общие положения переливаются в лозунги, словесные директивы политического действия. Отсюда тесная связь слова с делом и постоянная тема, особенно в полемике, о соотношении слова и дела: «сколько-нибудь опытный буржуазный политикан никогда не затруднится наговорить сколько угодно, “блестящих”, эффектных, звонких, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих фраз... А коснется до дела — можно сфокусничать» («Луиблановщина», 8 апреля 1917 г.). «Марксист

должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае, намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни». (Письма о тактике апрель 1917 г.). «Настоящее рабочее правительство не обманывает рабочих болтовней о реформах, а борется на деле за полное освобождение рабочих» («Пролетарская революция и ренегат Каутский», октябрь 1918 г.).

Отсюда стремление в словесных конструкциях Ленина к формулам-лозунгам, имеющим тесное, конкретное, актуальное значение. Избегая универсальных общеполитических сентенций («фраза», «теория», «болтовня»), он стремится кратко и ясно выразить директивы текущего политического действия.

В этом отношении характерны его «тезисы», с которыми он выступил на следующий день по приезде в Россию, 4 апреля 1917 г.

Самая форма выступления — «тезисы» — свидетельствует о стремлении большое политическое содержание — собственно декларацию всей политической деятельности партии большевиков — втиснуть в ряд кратких лозунгов. Форма эта не изолирована в творчестве Ленина. В чистом виде она повторена в декабре 1917 г. — «Тезисы об Учредительном Собрании», в январе 1918 г. «Тезисы о мире». Без внешнего аппарата расчленения на цифрованные пункты та же структура доминирует в Ленинских декларациях, резолюциях. Развернутыми «тезисами» являются такие работы, как «задачи пролетариата в нашей революции», «Политические партии в России и задачи пролетариата».

Тезисы были напечатаны в «Правде» 7 апреля 1917 г. с обрамляющей их статьей, под заглавием «О задачах пролетариата в данной революции».

В газете тезисам предпослана краткая справка относительно условий их опубликования, сухая статья (по объему вдвое короче первого тезиса), немедленно вводящая нас в деловую обстановку тезисов. Если вспомнить политическое окружение тезисов, глумление газет по поводу «пломбированного вагона», эмфатические словопрения на общие либеральные темы, общий задор и запальчивость, — то этот деловой тон вступления к тезисам есть своеобразный стилистический прием, придающий особую энергию словесному их выражению.

Тезисы сгруппированы по внешне логической схеме: первые два представляют общиесторическую оценку момента (война и революция), два следующие — отношение к носителям власти в России (временное правительство и советы), следующие четыре развивают социально политическую программу революции

(вопросы государственного устройства, аграрная программа, финансовая политика, организация производства), два последние касаются партийной жизни (созыв съезда партии, организация Интернационала).

Наиболее развитыми являются первые четыре тезиса, имеющие актуальное значение. Следующие четыре, трактующие задачи будущего, вводятся лишь как мотивировка конкретной деятельности.

Из первых четырех наименее развит третий — о временном правительстве. Отрицательная позиция по отношению к временному правительству соответствует наибольшей словесной скудости.

Таким образом словесный объем каждого тезиса соответствует актуальному значению его. Значение это, понятно, следует учитывать с точки зрения 4 апреля 1917 г. и в этом отношении был бы интересен историко-политический комментарий к тезисам, от которого я, естественно, воздерживаюсь.

Эти три развитые тезиса распадаются каждый на две части: общее положение и вытекающие отсюда директивы политической пропаганды.

Прочитирую соответствующие абзацы:

Из 1-го тезиса: «Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно, обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным миром нельзя без свержения капитала».

Из 4-го тезиса: «Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое приспособляющееся, особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок и тактики».

Абзацы эти тематически аналогичны: речь идет о «разъяснении массам»; аналогичны они и стилистически. В обоих случаях заметна установка на т. н. слитные сочетания.

«Обстоятельно, настойчиво, терпеливо», «разъяснять ошибку, разъяснять связь, доказывать», «терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся к потребностям». Здесь перекликаются конструкции, перекликаются слова («настойчиво, терпеливо». Ср. во 2-м тезисе: «приспособиться к особым условиям партийной работы»).

И эта слитная конструкция является типичным и сознательным приемом Ленина: «массы присоединятся к рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманых, но твердых и немедленных шагах к социализму» (Луиблановщина).

«Отделяются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячи раз друг друга с революцией, не хотят подумать о том, что такое Советы Р. и С. Д.» (О двоевластии). «Конкретно дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее». (Письма о тактике). «Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая не соответствует объективной действительности» (там же).

Таково же бессознательное перечисление имен: «потому ли что Чхеидзе, Церетели, Стекловы и К° делают „ошибку“». (О двоевластии) «На очереди дня решительная, бесповоротная размежевка с Луибланами-Чхеидзе, Церетели, Стекловыми, партией О. К. партией С. Р. и т. п., и т. п.» (Луиблановщина). «Каутский, Лонгэ, Турати и мн. др.» (там же). «Гучковы, Львовы, Милюковы и К°» (там же).

Аналогичны конструкции такого типа: «Нет, формула устарела. Она никуда негодна. Она мертва». («Письма о тактике»).

Характерны везде трехчастные формулы. В языковых формулах число три есть синоним «много». Недаром тремя точками мы обозначаем «многоточие», недаром в сказках все совершается на третий раз.

Вернемся к тезисам. На фоне пестрого синтаксиса эти два места выделяются своими синтаксическими аналогиями. И это те места, которые сознательно выделял сам Ленин. В своих «Письмах о тактике» Ленин говорит: «Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я дважды подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой, “приспособляющейся к практическим потребностям масс” работы “разъяснения”...»

Подчеркнуто это и в послесловии к тезисам, построенном в форме полемики с Гольденбергом: «Я пишу, читаю, разжевываю: ввиду несомненной добросовестности и т. д.» «А господа из буржуазии и пр.» И далее: «Я пишу, читаю, разжевываю» «Советы Р. Д. есть единственно возможная форма и т. д.» «А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды и проч.»

Характерно здесь двукратное, анафорическое повторение той же формулы «Я пишу, читаю, разжевываю»...

Это слитное, троекратное, бессознательное сочетание производит впечатление отрезка бесконечной словесной серии. Поскольку в тезисах замечается прямое соответствие между важностью и словесным объемом высказываемого, постольку в местах упора

применяется эта искусственная амплификация речи, заменяющая словесное развертывание. Ибо для Ленина, с его предельно сжатым стилем, не было другого средства для создания иллюзии словесной полноты. Там, где требовалось увеличение словесного объема, там он прибегал к синтаксической символике этого объема, своего рода алгебраическому знаку суммы ряда.

И в дальнейшем в обрамляющем послесловии Ленин снова прибегает к этому приему: «Г. Плеханов назвал в своей газете мою речь “бредовой”. Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как Вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике». «Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассказали Маркс и Энгельс, в 1871, 1872, 1875 г. об опыте Парижской Коммуны».

И послесловие замыкается тематической фразой о слове и деле: «Запутались бедные, русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле». Эта тематическая концовка как бы разъясняет исключительно деловой — до сухости — зачин обрамления тезисов.

Таким образом, проследив один из стилистических приемов построения тезисов, мы видим, что на ряду с принципами логического построения, здесь наличествует уравнивание словесных объемов.

Другим приемом варьирования и индивидуализации тезисов является пестрота синтаксических сочетаний. Тезисы комбинируются из абзацев предложений. Количество абзацев в тезисе различно (I тезис 5 абзацев, II — 3, III — 1, IV — 3, V — 3, VI — 3, VII — 1, VIII — 1, X — 2, IX делится на 3 пункта из них второй — на 3 подразделения). Построение этих абзацев различно (устраняю IX «пунктовый» тезис). Семь представляют собой развитые полные предложения, остальные 15 — безглагольные фразы — лозунги, вроде «Устранение полиции, армии, чиновничества», или «Братанье». При этом общая конструкция такова, что от сочетаний глагольных тезисы переходят к сочетаниям безглагольным. Первый тезис после трех абзацев, построенных по типу полных, распространенных предложений, замыкается двумя краткими безглагольными. Из них последний — одно слово «братанье». Второй тезис — три полных абзаца. Третий — один безглагольный. В четвертом — положение обратное: два безглагольных абзаца (из них первый слитный) замыкающий абзац — полное предложение. Начиная с пятого — исключительно безглагольная конструкция.

Может возникнуть сомнение — имеем ли мы дело в этих безглагольных конструкциях с подлинными «предложениями», или же это явление типа «перечней», оглавлений и т. д., т. е. каждая конструкция представляет своего рода заголовок, эквивалент, символ

потенциально мыслимой словесной конструкции, как в оглавлении подобная конструкция обозначает целую статью или даже трактат.

Понятно, почему подобная психологическая емкость безглагольной конструкции ощущается, почему выражение приобретает характер чрезвычайной сжатости (что получает и осязаемое подтверждение в формуле: «братанье»). Но все же конструкции эти суть предложения, с потенциальной, психологической глагольностью. Об этом свидетельствует отглагольность большинства именительных: «организация» (как деятельность), «братанье», «разъяснение», «признание», «перенесение», «слияние», «обновление»...

В двух случаях этого нет, но в обоих случаях наличие предложения особо подчеркнута.

1) «Никакой поддержки Временному Правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний». «Никакой поддержки» — косвенный падеж параллельно с именительным, «разъяснение» определенно ориентирует нас на потенциальную глагольность конструкции.

2) «Не парламентская республика, — возвращение к ней от Советов Рабочих Депутатов было бы шагом назад, — а Республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху».

Здесь наличие вводного предложения («возвращение к ней было бы») определенно дает впечатление предложения главной конструкции.

Безглагольность, субстантивизация глагола придает особую модальность этим конструкциям, модальность приказания.

Конструкция эта убыстрена, нагнетена, достигает максимума энергии выражения; это — своего рода натянутая словесная пружина.

Я должен оговориться, что подхожу к вопросу не с лингвистической точки зрения, и функциональное значение выражения меня мало интересует. Меня занимает вопрос о конструкции всего произведения, и, останавливаясь на элементах стиля, я хочу лишь показать, как во всем произведении распределен словесный материал, аналогично окрашенный.

Если мы проследим в тезисах распределение безглагольных конструкций, то мы увидим, как последовательно проводится нагнетение энергии выражений. Проводится это в три приема: внутри первого тезиса, в переходе от второго к третьему, и наконец «хиастическое» расположение четвертого тезиса окончательно подготавливает к переходу на насыщенные безглагольные сочетания всех остальных тезисов.

Таковы приемы расположения аналогично-конструированного словесного материала в общей композиции тезисов. Мы видим характерные параллелизмы, своеобразные «анафоры», напоминающие «Композицию лирических стихотворений» — Жирмунского. Я далек от мысли, что анализ конфигураций аналогичного словесного материала в произведении дает нам познание конструкции материала. Дело не в форме конфигураций, не в словесных арабесках, а в их выразительно-конструктивной функции.

Даже чисто поэтическое произведение относится сравнительно безразлично к форме конфигурации как таковой. Это доказывается тем, что каждая попытка классификации таких повторов приводит к тому, что в реальном материале наличествуют всевозможные формы. Так было с попыткой классификации эвфонических повторов (см. особенно последнюю работу Брюсова о звукописи Пушкина), также случилось с классификацией «анафорических» явлений, т. е. с классификацией аналогично-словесного материала. Тоже случилось с попыткой изучения стиха, как комплекса индивидуальных форм «стопы». Оказалось, что при такой постановке любое сочетание слов есть стопа, — иначе стопы нет. Точно так же классификация эвфонических и словесных повторов ни на иоту не сдвигает вперед вопроса с точки голого утверждения наличности таких повторов. Ибо оказывается, что все формы сочетания равноправны. Иначе эти формы «в себе» неощутимы, безразличны.

Все дело не в форме комбинации, а в конструктивной мотивировке, в выразительной функции данного явления, в данном индивидуальном построении.

И в данном случае для нас менее всего важно, что стилистическими приемами распределение полных и безглагольных форм 10 тезисов разбито на группы 4+6, а первая группа обрамлена («кольцо») слитными сочетаниями, а важно построение тезисов не по принципу чистого логического мышления подбора адекватного словесного выражения, а по законам словесной (в данном случае утилитарно словесной конструкции), оперирующей объемом и потенциальной энергией выражения. Важно, что в момент программного декларирования играл закон словесных формул, был конструктивный замысел.

Я оставляю в стороне вопрос о тематическом распределении материала. Между тем прозаические произведения имеют свой «сюжет», свои тематические ходы. В данном случае мы имеем обрамление (приступ и послесловие), мотивированное тем, что ранее написанные тезисы сообщаются в газете. Это обрамление имеет свою завязку, перипетии (полемика) и развязку (концевое совмещение двух тем: полемики и общей антитезы «слова» и «дела»).